

Рафаэль Гругман

Исхода жертвенный алтарь

Какая мука – глядеть вслед уходящему московскому поезду! За пять минут до отхода клятвенные обещания писать: «Обязательно встретимся». – «Да, да, обязательно, в Иерусалиме, где же еще?» – «Через год вы приедете или мы, но лучше вы». Последний глоток шампанского из бумажных стаканчиков, сквозь слезы выведенные улыбки и... всё!

Незачем обманывать себя – не встретимся. А если встретимся, то окажемся вдруг другими, неожиданно ставшими чужими, в том же материальном, но ином астральном теле, с другой кровью и другой кожей.

Каждый поход на вокзал – тупым ножом по горлу: не режет, а надрезает, и кровь, не успевая хлынуть, лентой запекается на шее еще одной потерей.

На кладбище провожаем мертвых, на московский поезд – живых. Красная черта, после которой обратной дороги нет, – аэропорт Шереметьево.

«Северу скажу: отдай, и югу – не удерживай, северу скажу: отдай... – надрывно поет в одесском филармоническом зале американка из христианского посольства в Иерусалиме, призывая зрителей, пришедших на празднование Рош Ха-Шана, к эмиграции на Святую землю. – Не бойся, ибо Я с тобой, не бойся, ибо Я с тобой, северу скажу: отдай, и югу – не удерживай, не бойся...»

Неужели это очередное испытание на прочность, придуманное Им: рассеять по миру, прах растолочь в ступе, а потом медленно, по травинке выдергивая, собрать всех воедино, и лишь для того, чтобы еще раз услышать: «Верю!».

Неужели иного пути нет, и расколом по семьям проверяет на стойкость Он каждого, подбадривая нерешительных и в себе неуверенных: «Не бойся, ибо Я с тобой». Но я ведь не боюсь, я знаю: так оно и есть – Он со мной. Я счастлив, что родился в Одессе, но не загадываемая и подальше отодвигаемая мечта – сладкое, как сахар, и звонкое, как гитара, магическое слово: «Иерусалим».

Не сейчас – в следующем году, еще в следующем, еще... и заклинание, въевшееся в генетическую память и повторяемое как мантра: «Родиться в Одессе и жить где угодно, но умереть там, принятым в стенах Его».

* * *

Осень 1990 года.

Мощная струя вырвала Стеллу с мужем и четырьмя родителями из обжитых одесских квартир, вогнала в автобус и швырнула через румынскую границу в аэропорт Бен-Гурион.

А младшая сестра ее, Полина, зацепившись за торчавший на дороге осколок, застряла на полпути. Трагедия и драма, приобретение и потеря слились воедино в не терпящем возражений слове «любовь».

Любовный треугольник иногда называют Бермудским – остроконечные углы кинжалом врезаются в тех, кто по неосторожности оказался поблизости.

Три вершины: Полина, Эдик и Коля. Треугольник обозначен. Тайфун приближается. Его имя – тайфунам принято давать женские имена – «Эмиграция».

Сестры. Старшая Стелла – в ее имени слышна сталь – волевая, настойчивая, привыкшая всегда идти напролом, и младшая – Полина. Как удивительно музыка имени определяет характер: мягкая, добрая, покладистая. Три года разницы. Плоть одинакова. Сердце и душа – разные. Но с детства – проказы, игры, друзья – всегда вместе.

Стелла. Обычный маршрут – школа, институт, замужество, сын Вадик... Затем – всякое в жизни бывает – роман с мужем подруги, закончившийся тяжелым разводом с дележом неделимого,

но Стелла и здесь оказалась на высоте и уступила бывшему мужу лишь то, что нельзя было не отдать: несколько книг, магнитофон «Комета» и личные вещи.

...Прошло семь лет.

Вадик вырос, петушиным взором окинул окрестности, и первая же курочка, которую он нечаянно клюнул, взяла его под руку и на глазах оторопевшей мамы повела во Дворец бракосочетаний. Марш Мендельсона повторять не буду – вы его и без меня знаете.

Курочка, похлопав крыльями, яйца нести не стала, покудахта-ла, покудахта-ла и увела петушка на другой насест, в Землю обетованную.

Подобной наглости Стелла не ожидала. «В погоню!» Поднять всех: родителей, сестру! Единственный сын в чужие руки не отдается! После споров и колебаний – следует отдать должное талантам убеждения Стеллы – Полина с Эдиком и три пары родителей приняли нужное ей решение: «Едем».

Этим словом Шекспир назвал бы одну из самых великих своих трагедий, доведись ему жить во время Исхода.

Полина. Когда в ее жизни появился Коля, она умело удерживала на плаву семейную лодку: муж Эдик, увлеченный ловлей в чужом аквариуме «золотых рыбок», сделал все, чтобы она не испытывала нравственных мук. Но всякий раз, когда Коля заводил разговор о женитьбе, заканчивался он неизменно: «Сейчас не время. Немного подожди». Они ссорились, расставались. А затем все начиналось сызнова.

«Расстаемся, это невозможно», – попеременно не выдерживали то он, то она. «Да», – вскоре обещала она. «Когда?» – «Через неделю». – «Я не могу. Расстаемся, – говорила она, чтобы через неделю вновь сказать: – Да». «Когда?» – «Скоро. Чуть-чуть подожди». – «Сколько?» – «У сына выпускной класс – я не могу его волновать». – «Это точно?» – «Да, – и в последний момент вновь: – Прости, я не могу...»

Но наступил год 1989-й, когда отступить некуда – пора принимать решение.

Не приведи Господи идти наперекор сердцу, когда хочется сказать: «Да», – а из дрожащих губ: – «Нет», – когда один корешок дерева за морем, другой вылез из земли и едва держится, а третий прочно, глубоко увяз в родной для него почве, его и вынуть нельзя – только выкорчевать. Но дерево нужно пересаживать или целиком, или... рубя по живому глубоко засевшие корни.

Сердца разрываются не на пограничном шлагбауме – раньше. Тайфун безжалостно бьет по семьям, жены с детьми – налево, нерешительные мужья – направо. Вокзал и аэропорт – кладбище разбитых надежд. Треугольников и квадратов. Родители на земле, дети в воздухе. Кто будет их хоронить? Некому. Каждый самолет из Шереметьево – как последний рейс из блокадной Одессы октября 41-го. Успеть бы. Завтра уже будет поздно!

Тайфун «Эмиграция» закрутил треугольник и бросил его на скалы.

Если бы Полина не воспринимала за чистую монету риторику сына: «Если выйдешь замуж за Колю – ты мне не мать! – и решающий аргумент, хитро им задействованный: – Ты как знаешь – я уезжаю с отцом!» – то в вечном споре «чувство долга – семья – любовь», поплакав-поплакав, победила бы жизнь. То есть любовь. И все, сперва родители и сестра, а затем и сын, смирились бы с этим – примеров тому в мировой истории множество. Зачем далеко ходить? Пример Стеллы – перед глазами.

То, что легко на словах, трудновыполнимо в жизни. Полина и Эдик подали документы в ОВИР. Прощание с Колей, как удавка на шее: «Прости, я не могу терять сына. Это выше нас. Прости и забудь». Через день: «Да». «Когда?» – «Завтра». – «Точно?» – «Да». – «Где встречаемся?» – «В три часа в сквере Кирова». – «И в ЗАГС?» – «Да».

Коля ждал ее в три и в четыре, и в пять, и вернулся один в заставленную цветами квартиру, где ее ждал праздничный ужин...

А Полина, уйдя от мужа и не придя к Коле, слегла. Не выдержала напряжения. Психика сорвалась. Укрытая в родительской квартире и от ревниво беснующегося Эдика, и от издерганного обещаниями Коли, она пыталась примирить ум с сердцем. Муж ее любит, убеждала она себя, и, несмотря на фиктивный развод (из-за ухищрений с пропиской пять лет назад они развелись

и забили колышки в разных домах), ради сына она должна уезжать вместе с ним. Но и с Колей, напомидало сердце, ее связывает не один год...

Когда через два месяца затворничества она окрепла и белыми губами прошептала: «Да», – Коля, ежедневно державший наготове ЗАГС, вдруг чудо случится, и она надумает, схватил такси. Глоток шампанского в ЗАГСе и... Полина вернулась в дом мужа. Коле сказала:

– Никому о регистрации брака не говори. Дай мне месяц – я должна сама уладить все с сыном.

Коля, сто раз уже слышавший обещания и отказы, держа в руках свидетельство о браке, и на этот раз вынужден был уступить: «Хорошо, пусть будет так».

Непостижимо, но на следующий день она произнесла: «Нет».

– Заплати, чтобы быстро нас развели. Я не могу терять сына.

Я затрудняюсь в поисках объяснения – женская логика неподвластна сухим расчетам. Вспоминаю Анну Каренину – и один только довод пытаюсь привести в ее оправдание: «Женщина». Непостижимая женщина, не подчиняющаяся логике, никаким правилам, ничему. Я устало улыбаюсь, тихо произнося это слово, потому что легко объясняет оно непредсказуемые шаги и поступки.

Любовь все же победила. В конечном итоге она обязана была победить.

Родная сестра, кричавшая, что Полину, обезумевшую, завлекли в сети, и только скажи ей, она немедленно брак расторгнет; родители, бунтующий сын – все пошумели и успокоились.

– Полина, как Стелла. Дай Бог, чтобы второй брак оказался счастливым.

Со слезами: «До встречи», – Стелла с мужем и четырьмя родителями простилась с Полиной и Колей и уехала в Израиль. Через пару дней Эдик уехал с сыном...

А молодая семья слетала в Иваново к Колиной маме и взяла у нее разрешение на отъезд сына. Вернувшись в Одессу, Коля подал документы в ОВИР.

Четырехмесячное ожидание Колиного паспорта не было потеряно даром. Бесценные советы Стеллы, главы нового клана репатриантов, стали руководством к действию: «Брать электро-товары, ни в коем случае не синтетику. Нижнее белье – только хлопок. Мне: лифчик, босоножки... и не медлите, мы сняли с родителей огромную квартиру и ждем вас не дождемся».

Сестры... Иногда спорящие – не без этого, но всегда осознающие свою кровно-духовную связь. Почему именно вас выбрал Он, чтобы показать, насколько человек ничтожен и мелок? Неужели недостаточно было греха Каина, руку поднявшего на родного брата? Неужели, чтобы вернуть свой народ на Землю, дарованную Им несколько тысячелетий назад, Он должен расколом пройти по семьям, как бы в наказание предкам, что не сумели они уберечь Храм?

А если дело в ином? Если избранные Им чада недостойны Святой земли? А может, и тогда, когда привел Он Моисея на новые земли, начались распри среди соплеменников за лучшее пастбище и виноградник? Уверен, что начались. Народ Его не единый монолит, а миллионы кирпичиков, в каждом из которых есть нечто от Каина, Авеля, Авраама и Моисея.

Легко быть праведником, имея дом свой и виноградник, но как-то безгрешным быть в сорок лет, полуголодным взглядом набрасываясь на плодородные земли?

Каин злорадно улыбается и бьет фонтаном на эмигрантское поле себя свое.

Сестры-сестры... На третий день строго охраняемое Стеллой шекелевое пастбище, на котором паслись две пары пенсионеров-родителей, стало полем раздора.

Неблагодарное дело описывать семейную тяжбу: долго тлеющий фитилек, вспышка, ведра воды, вылитые взволнованными родителями, клубится легкий дымок, вновь ведра воды и песок, огонь плотнее, и ни мольбы стариков, ни увещевания друзей, ничто не может потушить пламя Стеллиношекелевого гнева: «Пусть твой муж не жжет в коридоре свет, а курит на улице!».

Варианты: «Пусть тогда они больше платят за свет!» или «Вода дорого стоит – сколько раз за день можно принимать душ?».

Апофеоз: заявление в службу безопасности, что Коля – русский, имеет давнишние связи с КГБ, фиктивно женился, чтобы уехать в Израиль.

Пока Колю вызвали для беседы, пока он доказывал, что ничего в анкете не искажил, а бред о КГБ – гнусный навет, государственная работа, которую он должен был получить, ждать не стала – уплыла.

Финал закономерен. Чтобы не дошло до рукопашной, родители поделили детей: Стелла осталась с родителями мужа, а Полина, забрав маму и папу, съехала на другую квартиру.

* * *

Прошло три десятилетия. Полина с Колей живут в Натании. Эдик неподалеку – в Израиле нельзя уехать на другой конец света. Сын их женился, имеет троих детей и, забыв, как рвался когда-то в Израиль, живет в Киеве – в Украине у него ювелирный бизнес. Когда изредка навещает он страну обетованную, живет в купленной им пятикомнатной квартире, в которой проживает отец. Полина в Киев летает чаще.

Стелла с мужем переехали в Тель-Авив. А Вадик... Он не стал дожидаться маму – купил с женой туристическую поездку в Мексику, а оттуда нелегально перебрался в Америку. Оба давно уже американские граждане, успешные программисты...

Стелла, сорвавшая всех с места, простила сына с трудом. Но на вторую эмиграцию она не решилась.

Прошли десятилетия. Сестры примирились с трудом, сумели ради родителей преодолеть вражду и простить обиды, но трещина в душе нет-нет, и о себе напоминает в часы одиночества. Бесследно склеить разбитый бокал невозможно. Мелкими осколками рассыпался он на жертвенном алтаре Великого Исхода.

